

К 40-летию КОРЯКСКОГО ОКРУГА

1. КУДА ТЕЧЕТ ЧИЧАЙВАЯМ?

Над Карагой застыли звезды. Их так много, и они кажутся такими близкими, что протяни руку — достанешь.

Давным-давно, когда еще не было ни Куйкиняку, ни Митте, украсил небо звездами хозяин Вселенной Ахытнин и для верности приколотил их гвоздями. Потому и называли их в древности коряки харкопанхай, что означает «прибитые гвоздями».

От времени портятся гвозди, и тогда отрываются небесные светлячки от неба и сыпятся на землю звездным дождем.

Нет постоянства ни на земле, ни в небе. И только Чичайваам была всегда. Холодная и безучастная ко всему, что свершается в мире, она испокон веков пересекает звездное небо прямо над Карагой, словно дорога, ведущая в Великое Никуда.

Чичайваам — «дресвяная речка». Так издавна называют коряки Млечный путь.

— Куда течет она? — спросил я у 96-летней Марии Михайловны Гуторовой, одной из старейших жительниц Караги.

И усмехнулась старая корячка. Какой смешной этот русский. Он хочет знать, куда течет Чичайваам. Разве можно сказать, куда ведет тундровая тропа, пока не пройдешь по ней? И разве можно знать, где кончается река Вечность, раз у Веч-

ности нет конца, как нет и начала?

Прошлые карагинских коряков, как собственно и других этнических групп Камчатки, изучено плохо. Более или менее сносно исследователи докопались пока до 18-го века, а дальше — сплошное белое пятно. Где-то там истоки корякской житейской Чичайваам, где-то там начало их истории.

Пока райкомовский газик спешит намотать на колеса лент

дит чахлым и болезненным»... Кыталгын, Каре-гыннын, Карага.. В разное время по-разному называлось это селение. Но менялось только название. Жизнь оставалась прежней — «чахлой и болезненной».

Такой застал Карагу XX посвященный век и первая американская шхуна, прибывшая в бухту с «важнейшим» в «свободном» мире товаром экспорта на борту — бочонками спирта. Век был новый, порядки оставались прежними: грабь, кто сколько сможет.

И грабили. Грабили систематически и алчно, без всякого зазрения совести все, кому не лень, начиная от генерал-губернатора и кончая самым паршивым японским синдо, хищнически истреблявшим рыбные богатства края.

Советская власть положила

рукой куда-то вправо:

«Вот там, чуть повыше устья была старая Карага». Но сколько мы ни всматривались, кроме снега и черного кустарника да нескольких бугров, ничего не увидели.

Течение жизни перенесло Карагу на другое место, поближе к морю, к рыбе, на самый берег прекрасной живописной бухты...

А как было раньше? Как было тогда, когда еще и сами карагинцы не в полной мере представляли себе, какая полная и смелая жизнь начнется в недалеком будущем на берегах древней бухты Караги? Что было в истоках, в самом начале новой карагинской Чичайваам?

Знатный рыбак Караги, Герой Социалистического Труда Николай Иванович Солодчук рассказывает:

увеличил стадо на 1.210 голов. Чтобы увеличить посев будущего года, поднял гектар целины. В текущем году выстроено здание животноводческой фермы, пять домов для членов артели, начали постройку колхозного клуба... Валовой доход на первое августа составил 486.225 рублей, стоимость одного трудодня определяется в 26 рублей...».

Это был год, когда над Европой уже бушевало пламя второй мировой войны. Фашисты грозили людям смертью, а карагинские колхозники поднимали целину под будущие посевы. Они верили в жизнь.

И они победили. 30 лет, отделяющие сегодняшний день от того декабрьского дня 1940 года, когда над Карагой гремело праздничное «хо-ло-ло!» в честь 10-летия округа, явились убе-

У ПОДНОЖЬЯ ГОРЫ КОЛДУНЫ

ты зимней дороги, я перебираю в памяти все, что знаю о прошлом Караги и ее жителей.

В канун XX столетия ее посетил доктор Н. В. Слюнин. Чуть позже в своем фундаментальном труде «Охотско-Камчатский край» он писал: «Из северных селений по восточному берегу имеет значение Карагинский острог... Он расположен на правом, возвышенном берегу реки, в нескольких верстах от устья, в нем считается 8 домов и 3 юрты, 114 душ обоюго пола... Перед нашим приездом (1897 г.) крестьянин Марк купил корову в Дранкинском селении, которая будет первой в Караге. Живут настолько плохо, что не у каждого хозяина найдется собачий потяг... Избы малы, грязны, есть черные (без трубы), в которых вся обстановка состоит из нар, едва прикрытых оленьими پوستелями. Население крайне грубо и мало развито, выгля-

дит чахлым и болезненным»... Кыталгын, Каре-гыннын, Карага.. В разное время по-разному называлось это селение. Но менялось только название. Жизнь оставалась прежней — «чахлой и болезненной».

Такой застал Карагу XX посвященный век и первая американская шхуна, прибывшая в бухту с «важнейшим» в «свободном» мире товаром экспорта на борту — бочонками спирта. Век был новый, порядки оставались прежними: грабь, кто сколько сможет.

И грабили. Грабили систематически и алчно, без всякого зазрения совести все, кому не лень, начиная от генерал-губернатора и кончая самым паршивым японским синдо, хищнически истреблявшим рыбные богатства края.

Советская власть положила

рукой куда-то вправо: «Вот там, чуть повыше устья была старая Карага». Но сколько мы ни всматривались, кроме снега и черного кустарника да нескольких бугров, ничего не увидели.

Течение жизни перенесло Карагу на другое место, поближе к морю, к рыбе, на самый берег прекрасной живописной бухты...

А как было раньше? Как было тогда, когда еще и сами карагинцы не в полной мере представляли себе, какая полная и смелая жизнь начнется в недалеком будущем на берегах древней бухты Караги? Что было в истоках, в самом начале новой карагинской Чичайваам?

Знатный рыбак Караги, Герой Социалистического Труда Николай Иванович Солодчук рассказывает:

увеличил стадо на 1.210 голов. Чтобы увеличить посев будущего года, поднял гектар целины. В текущем году выстроено здание животноводческой фермы, пять домов для членов артели, начали постройку колхозного клуба... Валовой доход на первое августа составил 486.225 рублей, стоимость одного трудодня определяется в 26 рублей...».

Это был год, когда над Европой уже бушевало пламя второй мировой войны. Фашисты грозили людям смертью, а карагинские колхозники поднимали целину под будущие посевы. Они верили в жизнь.

И они победили. 30 лет, отделяющие сегодняшний день от того декабрьского дня 1940 года, когда над Карагой гремело праздничное «хо-ло-ло!» в честь 10-летия округа, явились убе-

дательным тому свидетельством.

За эти годы «Ударник» превратился в одно из крупнейших в округе рыболовецких хозяйств, оснащенных современным добывающим флотом. В четвертом году пятилетки колхоз добыл более 166.000 центнеров рыбы, значительно перевыполнив свое годовое задание. Далеко за пределы района шагнула слава о лучших рыбаках артели, о ее передовых животноводах и птицеводах, добывающих высокой продуктивности коров и кур.

И уже тесно стало Караге на старом месте, где еще в конце 50-х годов было так просторно. На Костромской косе, где еще совсем недавно полными хозяевами были рыбаки подледного лова, вырос теперь новый большой поселок рыбаков, механизаторов и ремонтников. Широко шагает бывший «Красный рыбак». От 3.000 штук кетин до 166 тысяч центнеров, от 1 миллиона рублей валового дохода (в старых деньгах) в 1941 году до 7.000.000 рублей в минувшем. От веселого кунгаса до среднего морозильного траулера «Верхолаз», который ведет добычу рыбы у берегов Аляски, и один берет ее столько, сколько совсем недавно добывали всем колхозом...

«Уж очень комариное место было.. Болото-то рядом. Люди жили большей частью в землянках. И все учреждения — тоже в землянках. Крапива вокруг — в человеческий рост. Радио в селе не было. 1—2 раза в год приходили пароходы, на их разгрузку выходило все село. Груз возили одним катером да кунгасом.

Но не унывая жили. Понимали, что только начинается настоящая жизнь, и приятно было сознавать, что делали ее люди сами, своими руками.

В 1937 году молодежь построила клуб (землянку из жердей, обложенную дерном). Он никогда не пустовал. Кружков там всяких работало, пожалуй, больше чем теперь...».

Где-то в те годы начинал здесь свою врачебную деятельность Александр Никитич Лебедев, будущий заведующий окрздравотделом. Где-то в те годы поднимал здешнюю комсомолию на большие дела заведующий отделом РК ВЛКСМ Василий Полиектович Беккер, нынешний председатель окрисполкома... И радовался депутат Верховного Совета СССР, организатор первой рыбачьей артели Макар Михайлович Обухов — усилия строителей не пропали даром, быстрота новой жизни выводила Карагу на большое течение. С гордостью читал он в номере окружной газеты «Корякский большевик», посвященном 10-летию юбилею округа, об успехах его родной артели:

«Колхозники артели «Ударник» под руководством председателя Николая Мефодьевича Уварова добились хороших результатов. План лова сельди выполнен на 321 процент, свыше 3.000 центнеров сельди сдано государству...».

Одновременно с рыболовством в колхозе развиваются оленеводство, животноводство, сельское хозяйство. Только приплод оленей в текущем году

увеличил стадо на 1.210 голов.

Чтобы увеличить посев будущего года, поднял гектар целины. В текущем году выстроено здание животноводческой фермы, пять домов для членов артели, начали постройку колхозного клуба... Валовой доход на первое августа составил 486.225 рублей, стоимость одного трудодня определяется в 26 рублей...».

Это был год, когда над Европой уже бушевало пламя второй мировой войны. Фашисты грозили людям смертью, а карагинские колхозники поднимали целину под будущие посевы. Они верили в жизнь.

И они победили. 30 лет, отделяющие сегодняшний день от того декабрьского дня 1940 года, когда над Карагой гремело праздничное «хо-ло-ло!» в честь 10-летия округа, явились убедительным тому свидетельством.

За эти годы «Ударник» превратился в одно из крупнейших в округе рыболовецких хозяйств, оснащенных современным добывающим флотом. В четвертом году пятилетки колхоз добыл более 166.000 центнеров рыбы, значительно перевыполнив свое годовое задание. Далеко за пределы района шагнула слава о лучших рыбаках артели, о ее передовых животноводах и птицеводах, добывающих высокой продуктивности коров и кур.

И уже тесно стало Караге на старом месте, где еще в конце 50-х годов было так просторно. На Костромской косе, где еще совсем недавно полными хозяевами были рыбаки подледного лова, вырос теперь новый большой поселок рыбаков, механизаторов и ремонтников. Широко шагает бывший «Красный рыбак». От 3.000 штук кетин до 166 тысяч центнеров, от 1 миллиона рублей валового дохода (в старых деньгах) в 1941 году до 7.000.000 рублей в минувшем. От веселого кунгаса до среднего морозильного траулера «Верхолаз», который ведет добычу рыбы у берегов Аляски, и один берет ее столько, сколько совсем недавно добывали всем колхозом...

...Чичайваам — «дресвяная речка». Так издавна называют коряки Млечный путь.

— Куда же течет она? — спросил я у дочери 96-летней корячки Анастасии Васильевны Гуторовой, председателя Карагинского сельсовета.

Засмеялась в ответ председатель:

— Наверное, к дому моей матери. Там сегодня хололо, наш традиционный национальный праздник. Давайте, провожу вас туда?..

В. ДАВИДОВ.

К 40-летию КОРЯКСКОГО ОКРУГА

У ПОДНОЖЬЯ ГОРЫ КОЛДУНЫ

2. ХОЛОЛО У ГУТОРОВЫХ

«...Сразу ударил гулкий бубен. Звон залил квартиру. Вышли на танец девушки. А когда бубен зашел глубоким голосом, точно извержение вулкана началось: парни присоединились к танцу»...

(К. КИЛПАЛИН. Праздник в Кичиге).

ХОЛОЛО — древний бытовухой праздник карагинских нымылан. Это праздник охотников и добытчиков морского зверя. Он начинается где-то в октябре и продолжается почти вплоть до нового года. В этот период не смолкают в береговых поселках Карага, Кичига и Тымлат звуки бубнов, песен и танцев. От дома к дому идет хололо. От одного удачливого охотника к другому. Кто первый добыл лахтака или нерпу, тот и начинает праздник, широко распахивая двери своего дома для гостей. Заходи, не стесняйся! Хозяйка вдоволь угостит тебя тылхином, жиром да мясом, а подойдет твоя очередь, одевай праздничную, расшитую, словно радуга, куклянку, что идет в кругу от одного гостя к другому, и вступай в круг танцующих, постигай тайны пластики и ритма прекрасных своей самобытностью танцев хололо. Не скупись на улыбки и шутки. Чем больше радости и веселья принесешь в дом, тем богаче будет добыча.

Дом Гуторовых, что стоит на самом краю поселка, полон праздничного шума. Нас встречают таким жизнерадостным и ликующим «Хо-ло-ло-о-о!», что я вздрагиваю от неожиданности.

О-ча-ча! А праздник у Гуторовых и действительно в разгаре. В коридоре тальниковые

и ольховые ветки. По традиции, каждому входящему хозяин просовывает в дверь такую ветку, и они начинают меряться силой, кто кого перетянет. Иногда одной веткой дело не ограничивается и получается целое состязание, сопровождающееся смехом и подбадриванием «болельщиков». Тут же лежат и другие атрибуты праздника: нерпичьи лапки, маски, связки лахтажых ремней. Двое гостей прилаживают в сених талытыл.

Талытыл — тоже непременный атрибут хололо. Два длинных, метра 3—4, лахтажых ремня одним концом прикрепляются к опоре, а посредине тяжелая, вырезанная из сырого дерева вертушка вроде пропеллера. За два других конца, к ним для удобства привязывается палка, начинают тянуть талытыл. Постепенно темп скручивания ремней усиливается, и вертушка начинает бешено вращаться, наполняя все вокруг возрастающим ревом. Тянут талытыл по очереди, сначала по одному, а когда не удается порвать ремни, садятся и по двое и вчетвером. На первый взгляд — игра проста, но не всякому и не сразу удается как следует раскрутить талытыл — тут нужна особая сноровка и большая сила. Состязание это обычно многолюдное и самое почитаемое у гостей хололо. Талытыл тянут до тех пор, пока ремни не порвутся, и тогда каждый старается отрезать себе от них кусочек на память. Победителя ждут большие почести и приз.

А В ДОМЕ не умолкают бубны. Только закончит играть и петь охотник Никифоров, как тут же вступает в праздник бубен Нутелкута. Словно замороженный, смотрю я на танцующих, восхищаясь красотой, самобытностью и чет-

костью многоцветного рисунка танца. Ритм и чистосердечное веселье хололо настолько захватывают, что не заметишь, как и сам начинаешь отбивать ногою такт и подергивать плечами.

Я смотрю, как самозабвенно, полузакрыв глаза, извивается в танце, опьяненная ритмом хололо, чумработница Анна Герасимовна Шишкина. Она — вся в танце. Она сама — танец, его огонь, его чудодейственная краса и сила. И мне кажется, что вместе с танцующими женщинами в дом 96-летней Веры Михайловны Гуторовой пришла цветущая красавица Эмнун, пришла нетронутая временем тундра с ее легендами, поверьями и таинствами.

Громче запели бубны. И послушная их зову, встает с кровати Вера Михайловна Гуторова, вступает в круг танцующих. И сразу отступили годы, глаза заблестели утренними росинками, а высохшие руки обрели прежнюю гибкость.

Оча-ча-ча-а! Акко! Много силы у древнего хололо. И он делится ею и с малым и старым, и оттого так неутомимы люди в танцах, а их веселье и радость поистине неистощимы.

Все лучшее вобрало в себя современное хололо. И старинную обрядовую песню добытчика-охотника, и песню, славящую сегодняшний день тундры. Нетронутый древний танец Веры Михайловны Гуторовой, неистовость танца пастушки Анны Герасимовны Шишкиной и уже современный, хотя и выросший на народной основе, но уже хореографически отточенный до гармоничной законченности, исключительно красивый и пластичный танец Маши Ягановой, которую называют в Караге «душой хололо». Маша участвовала в окружном ансамбле и там прошла хорошую школу.

Праздник действительно всеобъемлющ. Он собирает вместе и старых и молодых, коряков и русских, он становится современным — древний праздник хололо.

Я СМОТРЮ на его танцы и вижу сегодняшнюю тундру, красивую, гордую и счастливую. Не может быть несчастливой земля, вырастившая столько счастливых людей, искусных мастеров подлинно народного танца и песни. Бытовые танцы коряков поражают своей эмоциональностью, разнообразием жестов, движений и поз танцующих, изображающих то охоту, то сцены из домашнего быта, то труд работницы чума. Вот где неисчерпаемая сокровищница народного творчества! И какая богатая школа

для участников самодеятельности!

Но, к сожалению, восклицать рано. Самодеятельность наша еще довольно робко использует эту самую неисчерпаемую сокровищницу, больше увлекаясь модными эстрадными поделками, далекими порой не только от народа, но и вообще от настоящего искусства. Оттого и похожи бывают часто концертные программы разных коллективов как близнецы-братья. Изюминки не хватает.

А она — вот, рядом. Она — всюду. В Караге, Тымлате, Аянке, Хаилино. Только не поленись потратить усилий на глубокое познание народного творчества, и эта изюминка будет твоя. И тогда, если ты танцуешь, это будет настоящий корякский танец, а не смесь древнеиндийского ритуального танца с вульгарным танцем живота одалисок из султанского дворца. И тогда, если ты поешь корякскую песню, то она будет именно корякской, а не безликой подделкой под модный шлягер. Недавно в Манилах родился ансамбль «Айгена». У него эта изюминка есть. И это отрадно.

Учись понимать прекрасное у народа. Только он один его подлинный ценитель, потому что только он и создает его.

НЫНЕШНЕЕ хололо уже далеко ушло от языческого прошлого, когда береговые коряки в своих песнях обращались к духам прося у них «себе лучшего, а для бедных и сирот — помощи» (Н. Слюнин).

— О чем ты поешь? — спросил я в одном доме у молодого бубниста Якова Танвилина.

И он ответил мне, что поет о радостной жизни, пришедшей в тундру, о том, что скоро будет юбилей великого Ленина, («это он зажег у нас лампочку Ильича»). И еще поет он о том, чтобы всюду люди жили спокойно и лучше.

И спросил я у старого Нутелкута, о чем его песня. «О многом пою, — сказал Нутелкут. — О море, которое нас хорошо кормит. Наш колхоз стал большой и богатый. Об этом пою. Сегодня много рыбы поймали рыбаки. Значит, еще лучше будет жизнь. Об этом пою».

Шумит хололо! Зовут на праздник древние бубны! Поет обновленная советской действительностью рыбацкая Карага. Она поет о радости и счастье, поет славу великой партии коммунистов, волей немеркнущих идей ленинской национальной политики преобразившей корякскую тундру.

Спасибо тебе, Карага, за твой прекрасный праздник!

В. ДАВИДОВ.